

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИНЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

Хамраева Нодира Ганджабай кизи

магистрантка ТГЮУ

e-mail: pad300314@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В настоящей работе произведен обзор существующих в уголовно-правовой доктрине концепций вины юридического лица. На основании сравнительного анализа выявлены преимущества и недостатки поведенческой и психологической теорий. По результатам исследования сформулирован авторский подход к уголовно-правовой конструкции вины юридического лица.

***Ключевые слова:** вина юридического лица, объективная концепция, субъективная концепция, коллективная воля, доминирующая воля.*

THE PROBLEM OF DETERMINING THE GUILT OF A LEGAL ENTITY IN THE CRIMINAL LEGAL DOCTRINE

Khamrayeva Nodira Ganjabay kizi

Master degree of TSUL

e-mail: pad300314@gmail.com

ABSTRACT

In this paper, a review is made of the concepts of guilt of a legal entity existing in the criminal law doctrine. On the basis of a comparative analysis, the advantages and disadvantages of behavioral and psychological theories are revealed. Based on the results of the study, the author's approach to the criminal law construction of the guilt of a legal entity is formulated.

***Keywords:** guilt of a legal entity, objective concept, subjective concept, collective will, dominant will.*

ВВЕДЕНИЕ

Традиционная формула уголовной ответственности порождает кризис научной парадигмы при постановке вопроса о расширении субъектного состава коррупционных преступлений за счет включения в данную правовую плоскость юридических лиц. Объясняется это тем, что действующая концепция, основываясь на фикционной теории, отрицает возможность «бесплотной» и

«бессознательной» личности виновно совершать какие-либо деяния, тем самым сводя на нет как фактическое, так и юридическое основание ее ответственности.

Однако невозможность сопряжения настоящего «квазисубъекта» с концептуальными положениями об уголовной правосубъектности физических лиц вовсе не умаляет его шансы на интеграцию в уголовно-правовую доктрину. Введение данного института в научный оборот, равно как и в законодательство, требует отступления от старых догм и разработки нового подхода к конструкции уголовной ответственности с учетом современных правовых реалий.

И в первую очередь в такой модификации нуждается господствующее психологическое понимание вины, являющееся основным камнем преткновения развития мысли о правосубъектности юридических лиц в уголовных правоотношениях. Ввиду того, что такая концепция приспособлена исключительно к поведению психосоциальной реальности – человека, ее механическое перенесение на преступную деятельность иной юридической личности представляется невозможным. В связи с чем возникает необходимость в корректировке конструктивных элементов вины юридического лица и наполнении ее новым содержанием.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ и обобщение существующих в научной литературе воззрений позволили выделить следующие основные концепции вины юридических лиц: объективная (поведенческая) и субъективная (психологическая).

Объективная концепция, именуемая также теорией «прошлой виновности», сводит вину организации к дефектам в корпоративной политике, характеризующимся погрешностями и упущениями в управлении юридического лица, которые, накапливаясь, со временем «суммируются» в преступление. Согласно данному подходу вина определяется путем сопоставления реального образа действий лица с моделью должного поведения, посредством которого вычисляются отклонения и делаются выводы о принятии или непринятии субъектом необходимых мер по предотвращению совершения преступного деяния. А.Р. Нобель, анализируя данную идею, утверждает, что, учитывая несостоятельность психического понимания субъективных признаков организации, вполне логично сведение вины к внешним характеристикам преступления [1, с. 42].

Таким образом, адепты настоящей концепции придерживаются мнения, что структурные ошибки и просчеты, заложенные в программу деятельности,

априори свидетельствуют о виновности юридического лица. Подобный подход в определении вины организации нашел свое отражении в законодательстве таких стран, как Азербайджан (статья 99-4.1 УК), Латвия (статья 12 УК), Литва (часть 3 статьи 20 УК), Молдова (часть 3 статьи 21 УК), РФ (часть 2 статьи 2.1 КоАП), Украина (статья 96-3 УК) и др.

Преимущество поведенческой концепции О.Н. Шерстобоев видит в том, что она позволяет избежать пробелов в ответственности, когда «из-за сложных внутренних процессов принятия управленческих решений идентификация лица, чей интеллект и воля послужили основой для совершения преступления, представляется практически невозможной» [2, с. 15]. Однако автор не учитывает тот факт, что сама идея объективной «вины» была заимствована учеными из гражданско-правовой науки (статья 333 ГК Республики Узбекистан), где основным постулатом ответственности признается диаметрально противоположная фундаментальным основам уголовного права презумпция виновности. Применение же разных принципов к физическим и юридическим лицам нецелесообразно и неправомерно, так как подобный дуализм будет противоречить принципу справедливости и равенства лиц перед законом. Более того, по мнению Д.Н. Захарова, оценка поведения организации в конечном итоге сводится к анализу действий отдельных физических лиц, составляющих его субстрат, а такая субституция субъектов лишена правового основания [3, с. 71].

В отличие от вышеописанного учения субъективная концепция, не отступая от традиционной конструкции вины, адаптирует ее отдельные элементы под характерные особенности организации. Позиция сторонников данного подхода базируется на положениях гражданского права о реализации правоспособности юридических лиц посредством органов управления (статья 45 ГК Республики Узбекистан), призванных формировать его волю и объективировать ее содержание в своих действиях. Исходя из этого, ученые выдвигают идею о необходимости определения субъективных признаков преступления организации через психическое отношение физических лиц, представляющих ее «людской» субстрат. Н.Е. Крылова, поддерживая данную мысль, подчеркивает тщетность попыток сформулировать вину юридического лица в отрыве от вины представляющих его лиц [4, с. 110]. Разделяя ее мнение, С.Г. Демин, отмечает, что, вступая в общественные отношения от имени организации, физическое лицо действует и изъявляет коллективную волю, в

связи с чем справедливо проецировать психическое состояние человека в момент выполнения данной социальной роли на юридическое лицо [5, с. 143].

В рамках психологической концепции большой спор вызвал вопрос о статусе физического лица, чьей разум и воля формируют вину юридического лица: можно ли в качестве такового признавать любого работника или им может быть исключительно должностное лицо организации. В связи с этим были разработаны следующие две модели:

модель коллективной воли, иначе именуемая также как доктрина *respondeat superior*, предполагает, что вина юридического лица производна от вины коллектива, следовательно, преступления, совершаемые отдельными работниками в рамках выполнения своих трудовых обязанностей и в интересах работодателя, необходимо расценивать как преступное деяние самой организации;

модель доминирующей воли, называемая также теорией *alter ego*, предполагает, что вина юридического лица определяется посредством психического отношения должностных лиц, наделенных представительными либо контрольными полномочиями и выполняющих функции организационно-распределительного или административно-хозяйственного управления, к совершенному деянию и его общественно опасным последствиям.

Учитывая, что должностные лица, входящие в состав органов управления юридического лица, представляя его интересы, принимая решения от его лица и вступая в отношения от его имени, формируют и изъявляют волю своего принципала, чего невозможно сказать о рядовом сотруднике, мы поддерживаем вторую модель.

Настоящий подход был поддержан отечественным законодателем в рамках регулирования налоговых правоотношений. Так, статья 214 Налогового кодекса Республики Узбекистан предусматривает, что вина юридического лица находится в корреляционной связи с виной его должностных лиц или представителей, деяния которых детерминировали совершение налогового правонарушения.

Субъективная концепция неоднократно подвергалась критике со стороны адептов классического направления уголовно-правовой мысли. Э.Н. Нагорная, дискутируя о психологическом подходе в определении вины юридического лица, расценивала его как «антропоморфную» аналогию, очередную «мертворожденную» фикцию, позволяющую истинным злоумышленникам-физическим лицам избежать наказания, скрывшись за «корпоративным щитом»

[6, с. 206]. Подобная субституционализация ответственности была отвергнута также Д.Н. Рыжковым, утверждающим, что организация в таком понимании представляет собой лишь инструмент преломления вины человека, превращающий неодушевленную имущественную массу в делинквента [7, с. 259]. Развивая данную идею, Ю.М. Козлов признаете нерациональным перенесение негативных последствий противоправного поведения индивида на «квазисубъект» при возможности наказания непосредственного виновника и указывает, что подобный подход противоречит принципу личной и виновной ответственности [8, с. 5]. Полагаем, что непринятие новой концепции детерминировано инерцией мышления, не воспринимающей иного содержания вины, отличного от традиционного его представления. Опровержение их доводов представляется возможным путем апеллирования к научным изысканиям западных ученых.

Анализ трудов ряда западных мыслителей показывает, что в юридической географии англосаксонского правового семейства доминирует мысль о признании юридических лиц морально ответственными агентами, в рамках которой констатируется наличие у данных субъектов обособленной вины (воли и сознания). Так, профессор Аризонского университета Питер Френч, который одним из первых выдвинул гипотезу о состоятельности психологического подхода, утверждает, что агрегирование индивидуально выраженных волей должностных лиц, нивелируемых под общими целями, определенными в учредительных документах, обуславливает формирование самостоятельной воли юридического лица, не сводящейся и качественно отличающейся от совокупной коллективной воли «человеческого» субстрата [9]. Последние же, объективизируя такую волю в своем поведении, выполняют заданную программу, реализовывая лишь predetermined алгоритм действий. Исходя из этого, по мнению профессора Принстонского университета Филиппа Петтита, в данном случае справедливо утверждать, что воля акторов аппроксимируется волей юридического лица, в связи чем совершаемые ими действия должны «присваиваться» самой организации [10].

Основываясь на данной точке зрения, можно предположить, что преступление, совершенное должностными лицами организации, есть ничто иное, как объективное выражение воли юридического лица. Следовательно, оценка субъективной стороны преступного деяния данных субъектов через призму психического отношения к содеянному отдельного индивида представляется не механической заменой реальной ответственной личности, а

является мерой справедливого уголовно-правового преследования истинного виновника.

Среди российских ученых смежной с вышеприведенным воззрением позиции придерживается Е.Ю. Антонова, которая также считает организации волеспособными лицами, ввиду чего допускает возможным совершение ими «деяний, содержащих все признаки состава преступления» [11, с. 10]. Она так же считает, что через свои действия физические лица, входящие в состав органов управления, выражают общую коллективную волю, следовательно, в преступлениях, совершаемых настоящими субъектами, наличествует коллективная вина – «единая виновность нескольких единичных лиц». Учитывая, что анонимная коллегиальность принятия решений в организации не позволяют конкретизировать степень виновности каждого участника, по ее мнению, целесообразно привлекать к ответственности наряду с непосредственным исполнителем, осуществляющим объективную сторону преступления, также само юридическое лицо как организатора криминального деяния.

Одним из важных элементов конструкции вины, предлагаемой субъективным подходом, выступает наличие преступной связи между юридическим лицом и его представителем, которая, как правило, устанавливается через критерий «интереса». Совершение преступления в интересах юридического лица предполагает получение последним в результате преступной деятельности определенной пользы. Причем, Н.Е. Крылова подчеркивает, что под пользой в настоящем контексте должны пониматься не только имущественные выгоды, но также преимущества иного характера [12, с. 65]. Настоящий подход был применен при конструировании ответственности юридических лиц законодателями таких стран, как Австрия, Люксембург, Польша, Сербия, Словакия, Словения, Франция, Чехия и др., и нашло отражение в уголовных кодексах данных государств. Уголовно-правовое законодательство Бельгии, Испании и ОАЭ, наряду с данным признаком, предусматривает необходимость установления совершения противоправного деяния за счет средств организации. Однако приобретение выгоды и использование финансовых возможностей юридического лица являются лишь ограниченными параметрами, характеризующими наличие интереса. Немаловажным атрибутом, связующим преступления с юридическим лицом, также считается «действие от имени». Как упоминалось выше, криминальная активность может «приписываться» организации тогда, когда она совершается

лицом, осуществляющим управленческие, представительные или контрольные функции в ней. В связи с этим, настоящий признак был обособлен в уголовном законе Албании, Исландии, Норвегии и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из произведенного анализа, считаем целесообразным придерживаться субъективной концепции вины юридического лица при инкриминировании данным субъектам коррупционных преступлений. Под виной организации необходимо понимать психическое отношение к содеянному должностных лиц, выполняющих представительные, управленческие и (или) контрольные функции в юридическом лице, от имени и в интересах которого было совершено общественно опасное противоправное виновное деяние.

REFERENCES

1. Нобель А.Р. О некоторых вопросах установления вины в совершении административных правонарушений // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – №1. – с. 42
2. Шерстобоев О.Н. К вопросу о вине юридического лица как конструктивном признаке состава административного правонарушения // Безопасность бизнеса. – 2012. – №2. – с. 15
3. Захаров Д.Н. Понятие воли юридического лица и проблема ответственности // Фундаментальные исследования. – 2007. – № 5. – с. 71
4. Крылова Н.Е. К вопросу о введении «института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию. Материалы VI Конгресса уголовного права (26-27 мая 2011 года). – М.: Проспект, 2011. – с. 110
5. Демин С.Г. Вина юридического лица как обязательное условие наступления уголовной ответственности // Вестник СевКавГТИ. – 2014. – №16. – с. 143
6. Нагорная Э.Н. Бремя доказывания в налоговых спорах: монография. – М.: Юстицинформ, 2006. – с. 206
7. Рыжков Д.Н. «Камень преткновения» при установлении вины юридического лица в процессе реализации административно-юрисдикционной деятельности по привлечению к административной ответственности // Вестник ВГУ. Право. – 2018. – № 3. – с. 259

8. Морозова Н.А. Умысел и неосторожность как формы вины юридических лиц при совершении административного правонарушения // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 11. – с. 5
9. Phillips M.J. Corporate Moral Personhood and Three Conceptions of the Corporation. Business Ethics Quarterly, № 2 (4), 1992, pp. 435-459. doi:10.2307/3857581
10. Eric W. Orts, N. Craig Smith. The Moral Responsibility of Firms. Oxford University Press, 2017, 231 p. doi:10.1093/oso/9780198738534.001.0001
11. Антонова Е.Ю. Основания и условия корпоративной (коллективной) уголовной ответственности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2013. - № 2 (25). – с. 10
12. Крылова Н.Е. Концептуальные проблемы введения института уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации // Сборник Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: Материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара от 26 июня 2012 г. – Москва: Юрлитинформ, 2013. – с. 65